

ситете, где желающих послушать его было так много, что пришлось предоставить большую аудиторию. Затем последовали многочисленные приглашения от коллег со всех концов США. Мы посетили проф. М. Мильковича в Медицинском центре в Херши (штат Пенсильвания), проф. Д. Маркли в университете Мэдисона (штат Висконсин), проф. О. Джардецкого в Стэнфордском университете (штат Калифорния), проф. Э. Блаута в Гарварде (штат Массачусетс). Прочитал Владимир лекции в Национальном институте здоровья в Вашингтоне, и нам даже повезло посетить г. Файетвилль в родном штате будущего президента Б. Клинтона. Везде его принимали восторженно, слушали очень внимательно и всегда задавали массу вопросов. Лично для меня эта поездка памятна еще и тем, что я впервые ощутила чувство настоящей свободы.

Но, к сожалению, по возвращении из США на нас обрушилось огромное горе. Болезнь вернулась, и страшный диагноз прозвучал. Совместно с В. Т. Ивановым, А. С. Арсеньевым и нашими американскими друзьями Э. Блаутом (он обеспечил получение американской визы в течение двух дней, используя свои связи в Госдепартаменте), Барбарой Лоу (она смогла быстро договориться с хирургом в Медицинском центре Колумбийского университета) мы сделали невозможное и выехали снова в США, где провели еще три месяца. Проф. Диншо Патель принял нас у себя дома и в течение всего времени, когда Владимир находился в клинике, каждый день утром отвозил меня туда, а вечером забирал. Большую поддержку мне оказала находившаяся в то время в Нью-Йорке Линочка Соколовская, которая принимала самое трогательное участие во всех наших мытарствах и поддерживала меня. Мы пробовали все, включая не совсем отработанные методики иммунной терапии, но все было тщетно: наши титанические усилия успеха не принесли. Владимир скончался 13 августа. Я пишу эти строки именно в этот день. Его смерть потрясла коллег, которые еще совсем недавно встречались с ним, энергичным, бодрым, полным сил и планов. У меня хранятся более сотни открыток и телеграмм с соболезнованиями со всех частей света. Лауреат Нобелевской премии К. Вютрих, с которым мы многократно встречались на протяжении многих лет, организовал специальный выпуск «Journal of Biomolecular NMR», целиком посвященный памяти В. Ф. Быстрова. В статье памяти Владимира он, в частности, пишет: «Его вклад в науку и мировое сообщество ученых усиливался многолетней дружбой с коллегами в своей стране и за рубежом. Строгая точность ученого превосходно гармонировала с блестящим умом и теплым отношением с друзьями и коллегами»⁴.

Он ушел в самую прекрасную пору начала осени, когда лишь первые вестники увядания – мелкие листочки начинают опадать с берез. Мы посетили его на днях. Он спокойно спит под сенью деревьев, на Рябиновой улице, и листья медленно кружат над ним. Рядом покоятся такие же достойные сыны Отечества, большинство из которых так же, как и он, не узнали старости, отдав все свои силы служению долгу...

⁴ Journal of Biomolecular NMR. 1991. Т. 1. N 4. С. 312.

Л. А. ПИРУЗЯН

ПРИРОДОЙ ОДАРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК – АКАДЕМИК ИВАН ЛЮДВИГОВИЧ КНУНЯНЦ

(к 100-летию со дня рождения)

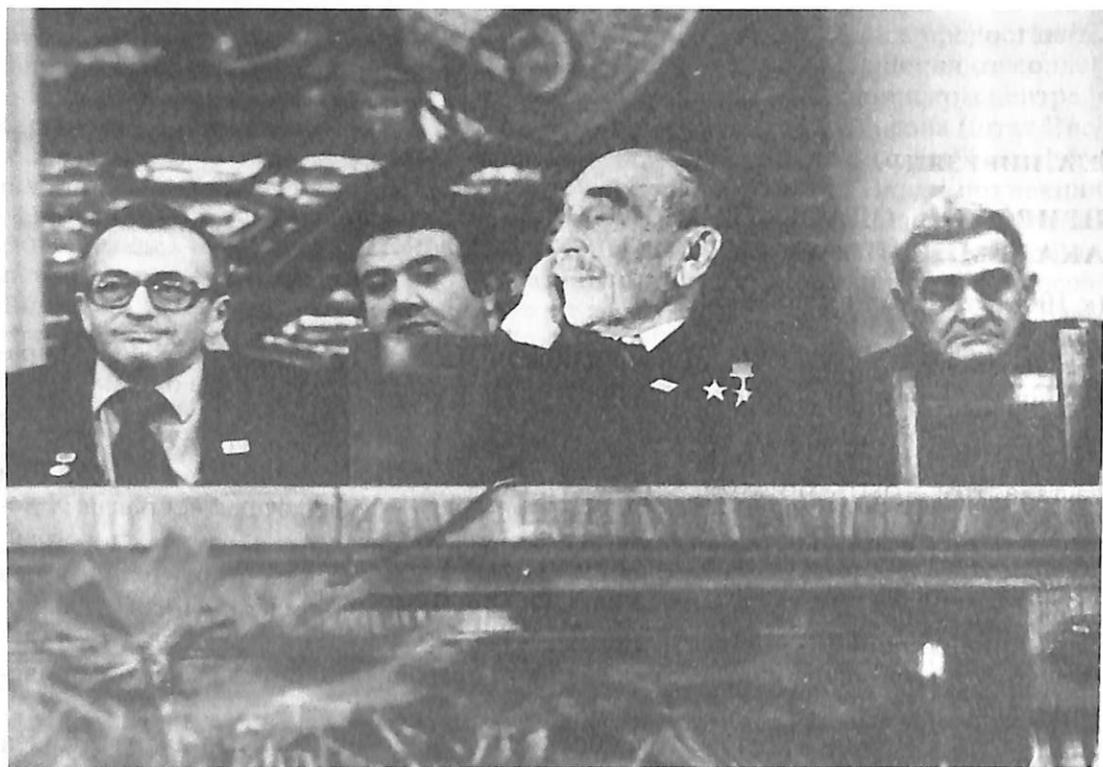
Собранный, динамичный, острый в полемике, непревзойденный борец за справедливость в науке и в жизни, выдающийся ученый, один из гигантов органической химии современности – таким был Иван Людвигович Кнунянц. Как больно писать слово был. Но люди такого калибра всегда с нами. Бог одарил Ивана Людвиговича талантом – быть химиком. Его личность требует всестороннего изучения. Вы скажете, что у меня срабатывает инстинкт землячества. Это сущая неправда. Я хочу рассказать короткую историю. Некий молодой ученый, т.е. я, собираясь устроиться на работу, входит в приемную секретаря. Посмотрев на посетителя и узнав фамилию, секретарь говорит: «Какие талантливые люди армяне!» Посетитель тоже был не из робкого десятка и спросил: «А как ваша фамилия?» Она ответила: «Саакян». Фамилия оканчивается на «ян», что предопределяет ее армянское происхождение.

Иван Людвигович – человек, без преувеличения, особо талантливый. Велик и непревзойден в молниеносности ответов. Быстродействие его сравнимо с компьютерами будущих поколений. Это от Бога. Этому нельзя научиться. Вспомню несколько фрагментов моих встреч.

Иван Людвигович, будучи известным ученым, умел восхищаться способностями коллег. Он рассказывал про Роберта Бернста Вудворда – лауреата Нобелевской премии «За выдающийся вклад в искусство органического синтеза» (1965). У Р. Б. Вудворда стажировался выдающийся химик А. Н. Кост. Хочется привести слова Вудворда: «Люди, которые прошли нашу школу, способны выполнить любое задание на самом высоком уровне. Такую подготовку могут дать только фундаментальные исследования». Как ни парадоксально, у нас в стране планомерно начали сокращать фундаментальную науку под разными предлогами. Р. Б. Вудворд писал химические уравнения на доске двумя руками встречно. Иван Людвигович в разговорах, вспоминая, восхищался такой необыкновенной одаренностью – объемным представлением последовательности встречного написания химических уравнений.

С большой теплотой и безмерной уважительностью Иван Людвигович относился к Н. Н. Семенову. Он говорил: «Николай Николаевич – гениальный ученый. Однако жаль, что природа не дает вечной жизни таким людям, как Н. Н. Семенов».

Иван Людвигович обладал пророческим даром в науке. В начале 1970-х гг. он был одним из инициаторов создания скрининговой системы биологических испытаний химических соединений. Мы были первыми. В настоящее время возможны испытания большого массива химических соединений на биологическую активность для поиска лекарств. В журнале «Science» в 1998 г. были перечислены десять

Празднование 50-летия Института химической физики АН СССР в актовом зале МГУ, 7 декабря 1981 г. Слева направо: В. И. Гольданский, Л. А. Пирузян, Н. Н. Семенов, И. Л. Кнунянц

важнейших научных направлений века. Восьмой пункт гласил: «Прогресс химии сделал возможным перебор миллионов химических комбинаций за короткое время». Разработанная нами система (авторское свидетельство № 3736551 от 11.02.1980 г.) не имела аналогов в мире. В целом ее подсистемы, комплексы были защищены более 90 авторскими свидетельствами. Тоже было разгромлено. Иван Людвигович совместно с другими академиками писал письма в поддержку направления. Однако мнение ученых гораздо слабее административного прессинга. Как говорится, нет пророка в своем отечестве. Мнение выдающегося химика, в частности Ивана Людвиговича, не имело значения. Можно уничтожить, лишь бы было указание. Формирование квалифицированными специалистами системы биологических испытаний химических соединений велось часто по рекомендации Ивана Людвиговича. В нашем НИИ разрабатывался вопрос применения перфторана в качестве растворителя некоторых лекарственных форм. Сотрудники и я никогда не забудем бескорыстную помощь Ивана Людвиговича.

И. Л. Кнунянц обладал повышенным чувством справедливости в науке, что видно на примере всей его жизни. Приведу несколько строк из книги Михаила Александровича Ландау «Наука, люди и жизнь на фоне эпохи» (1999): «Обычно общее собрание просто штамповало решение отделения. Ведь филологи ничего не знают о заслугах физиков, и наоборот. Иван Людвигович никогда не считался с положениями людей, которые должны были избираться в академию. Он бесстрашно вы-

ступал и отстаивал справедливость». Это не раз было на общих собраниях. В 1964 г. на выборах выступали Андрей Дмитриевич Сахаров и Иван Людвигович Кнунянц. Отстаивая правду и принципиальность, И. Л. Кнунянц не забыл великого химика А. Е. Чичибабина. Он, когда это по цензурным соображениям стало возможным, опубликовал несколько популярных статей о заслугах А. Е. Чичибабина перед наукой и отечеством. На заседании ученого совета Института элементоорганических соединений, посвященного 80-летию академика А. В. Фокина, М. А. Ландау процитировал слова Александра Васильевича: «Раньше я думал, что поэтов на земле мало. Потом я понял, что людей, не поэтов, нет. Да, все мы поэты. Разница между нами в том, что одни пишут стихи потому, что умеют их писать, другие пишут потому, что им кажется, что они умеют их писать. Ну, а третьи не пишут их совсем. Может быть, они и есть, настоящие поэты. Таким поэтом был академик Иван Людвигович Кнунянц, у которого я всю жизнь учился. Стоит привести некоторые его советы сейчас: «Воспита́й ученика, чтобы было у кого учиться», «Не делай того, что может сделать помощник, но если это опасно для жизни – делай сам», «Если человек работает хорошо, постарайся сказать ему об этом»... В науке могут меняться: трактовка, связи, понятия, доказательства. Но есть вещи, которые остаются от ушедших ученых. Это их нравственные поступки, их нравственные правила, законы их порядочности. Это живет долго, удивительно долго, передается от учеников к ученикам учеников, составляет основу каждой школы»¹.

Я очень счастлив, что в жизни встретил такого выдающегося человека как Иван Людвигович Кнунянц. Память о нем будет вечно со мной.

¹ Михаил Ландау. Наука, люди, жизнь на фоне эпохи. М., 1999.